

Галима
Доронина

Кадрры
машей и любви

Галина Доронина
Кадры нашей любви

«Автор»

2025

Доронина Г.

Кадры нашей любви / Г. Доронина — «Автор», 2025

Она писала стихи и жила историями, которые хотела рассказать, а он был слишком опасным для её хрупкого мира. Их свела любовь к творчеству... и развела слишком жестокая жизнь. Но есть одна тайна и один кинофестиваль, который изменит все, когда спустя годы они снова встретятся, и прежние чувства вспыхнут так, что могут сжечь их дотла.

© Доронина Г., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	36
Глава 14	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Дорони́на

Кадры нашей любви

Пролог

«Я спрячу твой образ, вытерев пыль
Поглубже, подальше
За фотоальбомами, письмами, книгами
За черно-белым пейзажем...»
Fleur «Люди, попавшие в шторм»

Ветер сгибал стволы деревьев так сильно, будто хотел переломить их пополам. Небо серым, тяжёлым полотном нависало над городом.

Я любила такую погоду. Называла её готической. Выходила на пустынную улицу, неторопливо шла к набережной, садилась на парапет и размышляла. А иногда мечтала. Что однажды ты придёшь за мной. Как в сказке. Но это были всего лишь мечты. Я наконец-то научилась ценить себя и больше не позволю играть с моей жизнью. Чего бы это ни стоило. Твои уроки не прошли даром.

«Правда?», – шепчет где-то внутри предательский голос.

Плотнее укутавшись в тёплый вязаный шарф, усмехнулась, глядя на бушующий залив. Кого я обманываю? Тебе стоит только поманить меня, и я, бросив все, побегу за тобой на край света.

Просто осознание того, что ты никогда этого не сделаешь, пытаюсь заглушить мыслями о том, что это я больше не принадлежу тебе. Что я без тебя живу, а не существую. Иначе становится невыносимо. Это похоже на сумасшествие. Может, просто прошло слишком мало времени... Десять лет... Слишком мало времени, чтобы вычеркнуть твой образ из своей памяти. А хочу ли я вообще это делать?..

Дорогие читатели!

Добро пожаловать в мою новую историю!

Готовы заглянуть в прошлое вместе со мной и узнать, с чего все началось?

Тогда переходим к следующей главе.

И не забудьте поставить звездочку и добавить книгу в библиотеку, чтобы не потерять!

Глава 1

Октябрьский вечер обнимает Москву своей меланхоличной прохладой, а я иду по подземному переходу к метро, утопая в своём длинном чёрном пальто. В руках у меня потрепанный томик Бродского с загнутыми уголками страниц и карандашными пометками на полях. Эта книга уже давно стала частью меня, как дневник или талисман.

Спускаюсь по эскалатору в подземное царство московского метро, где в семь вечера царит настоящий ад. Час пик – это отдельная вселенная, где люди превращаются в безликий поток, где каждый квадратный сантиметр пространства борется за своё существование. Воздух густой, пропитанный запахами духов, кофе из автоматов, влажной одежды и тем особенным ароматом метро, который ни с чем не перепутаешь.

На платформе давка невероятная. Люди стоят плотной стеной: офисные работники в строгих костюмах с усталыми лицами, студенты с громоздкими рюкзаками, пожилые женщины с тяжелыми сумками, подростки, залипшие в телефоны. Все куда-то спешат, все раздражены, все мечтают оказаться дома. Я прижимаю книгу к груди и стараюсь найти относительно свободное место у колонны, чтобы хоть на минутку погрузиться в строки Иосифа Александровича.

Открываю страницу наугад, и вот она, магия поэзии: среди этого хаоса вдруг возникает пространство тишины, где есть только я и слова, которые трогают до глубины души. Читаю про осень, про время, про одиночество, и кажется, что автор писал именно про этот момент, про меня, стоящую на платформе в окружении сотен незнакомых людей.

Поезд приходит с грохотом, скрежетом тормозов и характерным свистящим звуком открывающихся дверей. Толпа приходит в движение. Из вагонов начинают выходить пассажиры, а мы, стоящие на платформе, готовимся к штурму. Это всегда напоминает мне какой-то абсурдный спектакль: все толкаются, извиняются, ругаются под нос, но в итоге каким-то чудом все помещаются.

Я медленно двигаюсь к открытым дверям, не отрывая глаз от книги. Это привычка, которая, как говорит мама, до добра не доведёт. Но я не могу иначе. Когда я читаю, весь мир вокруг становится декорацией, а я – главной героиней какой-то другой, более красивой истории.

И тут происходит то, что должно было произойти: кто-то врывается в меня с такой силой, что я теряю равновесие. Книга выскользывает из рук и летит на грязный пол платформы, страницы разлетаются веером. Я вскрикиваю, но не от боли, а от ужаса за судьбу моего бедного Бродского.

– Простите! Боже, простите, я не смотрел...

Голос мужской, низкий, с легкой хрипотцой. Я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с парнем, который выглядит так, будто сошел с постера артхаусного фильма. Высокий, темные волосы собраны в небрежный хвост, несколько прядей выбились и обрамляют лицо с острыми скулами. Глаза темные, почти черные, и в них явно читается искреннее раскаяние.

– Ничего страшного, – бормочу я, опускаясь на корточки, чтобы собрать страницы.

Он тоже приседает рядом, и мы вместе начинаем собирать мою растерзанную книгу. Его пальцы длинные, изящные, как руки художника или музыканта. Когда он передает мне страницы, наши руки на секунду соприкасаются, и я чувствую странную дрожь.

– Бродский, – говорит он, разглядывая обложку, и в его голосе звучит что-то вроде удивления. – «Часть речи». Потрясающая книга.

Я поднимаю голову и смотрю на него внимательнее. В его взгляде неподдельный интерес, а не вежливость ради приличия. Он действительно знает поэзию.

– Вы читали? – спрашиваю я, вставая и прижимая к груди наскоро собранную книгу.

– Конечно. «Я входил вместо дикого зверя в клетку...», – цитирует он, и я чувствую, как внутри что-то переворачивается. – Это одно из самых сильных стихотворений о времени и памяти.

Люди вокруг нас продолжают толкаться, пытаюсь попасть в вагон, но мы стоим, смотря друг на друга, и весь мир сжался до размеров нашего разговора.

– Вы учитесь? – спрашивает он, и я киваю.

– ВГИК, сценарный факультет. А вы?

– Режиссерский, – улыбается он, и эта улыбка преобразует его лицо, делает мягче, теплее. – Меня зовут Женя. Евгений Вальтер.

– Инга Ларина, – представляюсь я и чувствую, как щеки предательски розовеют.

Поезд трогается, а мы остаемся на платформе. Следующий придёт через несколько минут, но мне почему-то совсем не хочется спешить.

– Ларина... – задумчиво повторяет он. – Как Татьяна? Вы случайно не пишете письма Онегиным?

Я смеюсь искренне и легко:

– Пишу, но только сценарии. И стихи иногда.

– Стихи? – его глаза загораются. – О чем?

– Обо всем и ни о чем. О дожде на стеклах, о том, как свет падает на старые стены, о людях в метро... – я запинаясь, понимаю, что говорю слишком много, слишком откровенно.

– Это прекрасно, – говорит он серьезно. – Я снимаю короткометражки, и мне всегда не хватает поэтичности, взгляда на обычные вещи под необычным углом.

Подходит следующий поезд, но мы словно не замечаем его. Разговор течет сам собой, легко и естественно, как будто мы знакомы не пять минут, а всю жизнь. Он рассказывает о своих фильмах – чёрно-белых историях об одиночестве в большом городе, а я – о сценариях, которые пишу по ночам, когда весь мир спит и можно быть честной с самой собой.

– Вы знаете Тарковского? – спрашивает он внезапно.

– «Сталкер» – это вообще отдельная вселенная, – отвечаю я, и он интенсивно кивает.

– Именно! Способность превратить простую поездку в Зону в метафизическое путешествие... Вот что такое настоящее кино.

Мы пропускаем еще один поезд, потом еще один. Час пик идет на спад, людей становится меньше, но наш разговор только набирает обороты. Мы говорим о Феллини и Годаре, о том, может ли кино быть поэзией, о том, почему современные фильмы часто лишены души. Он жестикулирует, рассказывая о своих идеях, а я слушаю, замороженная его страстностью, тем, как он умеет говорить о прекрасном.

– Послушайте, – говорит он внезапно, останавливаясь посреди фразы о неореализме. – Это может показаться безумием, но... Не хотите ли вы продолжить разговор где-нибудь еще? Есть одно кафе недалеко отсюда, очень уютное...

Я смотрю на него и понимаю, что хочу. Очень хочу. Но в то же время внутри поднимается паника: я не умею так, легко и просто. Я не умею знакомиться с парнями в метро и идти с ними в кафе. Это не про меня.

– Я... Мне нужно домой, – бормочу я, и вижу, как его лицо слегка темнеет от разочарования.

– Конечно, понимаю, – говорит он быстро. – Простите, если было неуместно...

– Нет, не неуместно! – прерываю я его, и сама удивляюсь собственной решительности. – Просто... Может быть, мы могли бы обменяться контактами? Продолжить разговор как-нибудь потом?

Его лицо снова озаряется улыбкой:

– С удовольствием.

Он достает телефон. Замечаю, что это последняя модель, дорогая, а я лезу в сумку за своим старым аппаратом, который мама купила мне ещё в школе. Мне немного стыдно, но он не подает виду.

– Диктуйте номер, – говорит он, и я, запинаясь, произношу цифры.

Через секунду мой телефон звонит.

– Теперь у вас есть мой номер, – улыбается он. – Женя Вальтер, режиссер и поклонник поэзии.

– Инга Ларина, сценаристка и поклонница Бродского, – отвечаю я, сохраняя контакт.

Мы стоим и смотрим друг на друга, и я чувствую, как что-то важное только что произошло. Какая-то граница пересечена, какая-то дверь открылась. Воздух между нами словно наэлектризован, полон невысказанных слов и возможностей.

– Мне действительно пора, – говорю я наконец, хотя уходить совсем не хочется.

– Конечно. Но я напишу, если позволите?

– Позволяю, – отвечаю тише, чем хотела.

Мы расходимся по разным платформам: он едет в другую сторону. Перед тем как уйти, он оборачивается и машет мне рукой, и я машу в ответ, чувствуя себя героиней французского фильма.

Еду домой и понимаю, что улыбаюсь. Просто так, без причины. А в руках у меня растрепанный Бродский, который внезапно стал еще дороже – ведь именно он стал причиной нашего знакомства.

Вытаскиваю телефон и смотрю на новый контакт: «Женя Вальтер». И вдруг понимаю, что очень жду его сообщения.

Глава 2

Женя пишет мне в тот же вечер. Я лежу в кровати с блокнотом, пытаюсь поймать строчки нового стихотворения о встрече в метро, когда телефон вибрирует. Сердце подскакивает к горлу, ведь я уже догадываюсь, от кого это сообщение.

«Добрый вечер, Инга! Думаю о нашем разговоре. А вы случайно не свободны завтра? Есть кафе на Патриарших, называется "Мастер и Маргарита". Кажется, это идеальное место для поэтессы и режиссера. Женя».

Перечитываю сообщение раз пять, прежде чем ответить. Пальцы дрожат от волнения и страха, не понимаю. Пишу, стираю, пишу снова:

«Добрый вечер. Да, свободна. Во сколько?».

Коротко, сухо. Но другого варианта я не нахожу, все остальные кажутся либо слишком восторженными, либо слишком формальными.

«В 18:00? Патриаршие пруды, 10. До встречи».

Засыпаю я плохо. Всю ночь в голове крутятся обрывки нашего разговора, его улыбка, то, как он цитировал Бродского. Утром просыпаюсь с чувством, будто сегодня случится что-то важное.

День тянется невыносимо долго. На лекциях не могу сосредоточиться, в блокноте вместо конспектов рисую какие-то завитушки. Подруга Лена замечает мою рассеянность:

– Инга, ты как будто не здесь. Что случилось?

– Ничего особенного, – отвечаю я уклончиво. – Просто обдумываю новый сценарий.

Ложь выходит удивительно легко, хотя я терпеть не могу врать. Но как объяснить, что встречаюсь с парнем, которого знаю от силы полчаса? Что жду этой встречи так, будто от нее зависит вся моя жизнь?

К пяти вечера я уже дома, мечусь по комнате в поисках подходящего наряда. Примеряю черную водолазку – слишком мрачно. Серое платье – слишком официально. Остановившись на темно-синем свитере и любимых джинсах, накидываю то самое длинное пальто. В зеркале отражается девушка, которая старается выглядеть естественно, но волнение выдают блестящие глаза и легкий румянец.

Приезжаю на Патриаршие за пятнадцать минут до встречи. Октябрьский вечер окрашивает пруды в золотисто-коричневые тона, листья шуршат под ногами, воздух пахнет осенью и предвкушением. Нахожу кафе «Мастер и Маргарита», но не захожу внутрь. Это небольшое, уютное заведение с витражными окнами. Идеальное место для первого свидания. Хотя это ведь не свидание, правда? Просто встреча двух людей, которые любят искусство.

Женя приходит ровно в шесть. Я вижу его издали – высокий силуэт в темной куртке, та же легкая походка, волосы на этот раз распущены и слегка растрепаны ветром. Подходит ко мне с улыбкой:

– Не замерзли? Я немного опаздываю.

– Нет, все в порядке, – отвечаю я, хотя стою здесь уже пятнадцать минут и успела пересчитать всех уток на пруду.

Внутри кафе царит атмосфера богемного Арбата шестидесятых: столики с клетчатыми скатертями, книжные полки до потолка, портреты Булгакова и фотографии старой Москвы. Женя выбирает столик в углу, у окна, откуда виден пруд.

– Это место особенное, – говорит он, помогая мне снять пальто. – Здесь собирались писатели и режиссеры еще в советское время. Легенда гласит, что за тем столиком, – он кивает в сторону стены, – Рязанов придумал сюжет «Иронии судьбы».

– Правда? – я оглядываюсь с новым интересом. – Тогда нам повезло с местом.

Мы заказываем кофе: он эспрессо, я капучино с корицей. Официантка, пожилая женщина с добрыми глазами, приносит еще и тарелку печенья «от заведения».

Первые минуты проходят в легкой неловкости. В метро было проще. Там была стихия, движение, мы оба были не в своей тарелке. Здесь же, в тишине кафе, каждое слово приобретает особенный вес.

– Расскажите о своих стихах, – говорит Женя, размешивая сахар в кофе. – Вчера вы только вскользь упомянули.

Я краснею:

– Они не очень хорошие. Так, графомания.

– Сомневаюсь. Люди, которые читают Бродского в метро, не пишут графоманию.

– Откуда такая уверенность?

– Интуиция режиссера, – он улыбается. – Мы умеем видеть настоящее. А еще у вас особенный взгляд. Вы смотрите на мир как поэт.

– То есть как?

– Как будто ищете скрытые смыслы в обычных вещах.

Я молчу, не зная, что ответить. Никто никогда не говорил мне таких слов. Никто не видел во мне поэта.

– Можно послушать что-нибудь из вашего творчества? – спрашивает он тихо.

– Сейчас? Здесь?

– А почему нет?

Глава 3

Достаю из сумки потрепанный блокнот, листаю страницы. Руки дрожат. Нахожу стихотворение, которое написала позавчера.

– Это совсем короткое, – предупреждаю я.

– Самое лучшее обычно короткое.

Читаю, почти шепотом, боясь поднять глаза:

«Октябрь рассыпал по асфальту

Монеты желтых листьев.

Город считает убытки лета,

А я считаю шаги

От остановки до дома,

От одиночества до одиночества.

В лужах дрожат фонари,

как слезы на щеках города.

А я иду домой

с привкусом осени во рту

и знаю:

что-то навсегда

закончится сегодня».

Тишина. Женя смотрит на меня так внимательно, что хочется спрятаться.

– Инга, – говорит он наконец, – это потрясающе.

– Не преувеличивайте...

– Я не преувеличиваю. Вы слышите? «Привкус осени во рту» – это же чистая синестезия.

А образ фонарей как слез города... Черт, да вы настоящий поэт.

Щеки горят от смущения и радости. Никто никогда не анализировал мои стихи, не говорил таких слов.

– А теперь ваша очередь, – говорю я. – Расскажите о фильмах.

И он рассказывает. Оказывается, снимает уже два года короткометражки о современной Москве, о людях, которые ищут себя в мегаполисе. Последняя его работа о девушке, которая каждый день ездит в метро и придумывает истории о пассажирах.

– Это же почти как я! – смеюсь. – Я тоже часто фантазирую о незнакомых людях.

– Вот видите? Я же говорил – мы родственные души.

Родственные души. Фраза повисает в воздухе, и мы оба будто осознаем ее значение. Женя слегка краснеет, я отвожу глаза к окну.

За окном уже темнеет, фонари отражаются в темной воде пруда. Мы сидим здесь уже два часа, но время летит незаметно. Разговор течет легко, естественно – от кино к литературе, от творчества к жизни, от серьезного к смешному.

– А вы знаете, что ваша фамилия особенная? – спрашивает Женя внезапно.

– В каком смысле?

– Ларина – это же не только Татьяна из «Онегина». Это еще и от слова «лары» – домашние боги в римской мифологии. Покровители дома, семьи. Может, поэтому вы так тонко чувствуете душу мест, людей?

Я смотрю на него с удивлением:

– Откуда вы знаете такие вещи?

– Увлекаюсь этимологией. Имена и фамилии многое говорят о человеке. Инга, например, – скандинавское имя, означает «охраняемая Ингом». Инг – это древний бог плодородия и мира.

– Получается, я богиня плодородия? – смеюсь я.

– Духовного плодородия, – серьезно отвечает он. – Вы же создаете красоту из слов.

Опять эта серьезность, этот внимательный взгляд. Я не привыкла к тому, что меня так видят, так слышат. Обычно люди общаются со мной как с милой, но немного странной девочкой. А он говорит со мной как с равной, как с творцом.

– А что означает Евгений? – спрашиваю я, чтобы сменить тему.

– «Благородный», – он усмехается. – Не знаю, подходит ли мне.

– Почему не подходит?

– Ну я же из обеспеченной семьи, у меня есть связи, возможности. Многие считают, что мне все достается легко.

– И достается?

Он задумывается:

– Возможности – да. А вот понимание, настоящее общение... – он смотрит на меня, – это нет. Знаете, как сложно найти человека, с которым можно говорить не о тусовках и связях, а о Тарковском и Бродском?

– Представляю, – киваю я. – У меня похожая проблема, только с другой стороны. Меня считают слишком серьезной, слишком погруженной в себя.

– А вы погружены?

– Наверное, да. Мне комфортнее в мире книг и стихов, чем в мире людей.

– И как же я туда попал? – спрашивает он тихо.

Вопрос повисает в воздухе. Я смотрю в его темные глаза и не знаю, что ответить. Как объяснить, что с ним все по-другому? Что с ним я не чувствую себя странной или неуместной? Что впервые за долгое время мне хочется говорить, делиться, открываться?

– Не знаю, – отвечаю я честно. – Может, потому что вы тоже немного не от мира сего?

– В каком смысле?

– Ну, обычные двадцатилетние парни не цитируют Бродского в метро и не рассуждают об этимологии имен.

Он смеется:

– Точно. Но знаете что? Мне нравится быть не от мира сего, особенно если этот мир мы можем делить на двоих.

Я чувствую, как краснею, и прячу лицо за чашкой капучино.

– Хотите еще кофе? – спрашивает он, заметив мое смущение.

– Да, пожалуй.

Он машет официантке, и та подходит с теплой улыбкой:

– Как дела, молодые люди? Понравилось?

– Очень, – отвечаем мы хором и смеемся.

– Видно, что подходите друг другу, – говорит женщина, убирая пустые чашки. – Редко встретишь молодежь, которая так увлеченно беседует. Обычно все в телефонах сидят.

Когда она уходит, мы сидим в приятном молчании. За окном совсем стемнело, в кафе зажгли свечи на столах. Мягкий свет делает лицо Жени еще более выразительным, подчеркивает линию скул, глубину глаз.

– Можно вопрос? – говорит он внезапно.

– Конечно.

– Вчера в метро... когда я в вас врезался... у меня было странное ощущение, что это должно было произойти. Как будто вся эта ситуация была predetermined. Вы такое чувствовали?

Я откладываю ложечку и задумываюсь. Да, было что-то похожее, словно ощущение неизбежности, правильности происходящего.

– Знаете, – говорю я медленно, – я вообще не верю в случайности. Особенно когда они связаны с книгами. Бродский упал именно к вашим ногам – разве это не знак?

– Значит, мы оба немного мистики, – улыбается он. – Это добавляет нам очков совместности.

– Мы что, проходим какой-то тест? – смеюсь я.

– А разве нет? Любое знакомство – это тест. Вопрос только в том, хотим ли мы его пройти.

Глава 4

Опять эта серьезность. Женя умеет так легко переходить от шуток к глубоким разговорам, что я не успеваю за сменой настроения.

– И как пока результаты? – спрашиваю я, пытаюсь сохранить легкий тон.

– У меня? Отлично. А у вас?

Я молчу несколько секунд, собираясь с мыслями. Патологическая честность не дает соврать или увильнуть от ответа.

– Вы знаете, – говорю я наконец, – я не умею играть в игры. Не умею кокетничать или строить из себя загадочную. Поэтому скажу прямо: мне с вами интересно. Очень интересно. И это меня пугает.

– Пугает? Почему?

– Потому что я привыкла к одиночеству. Привыкла, что меня никто особенно не понимает. А тут вдруг... – я делаю паузу, ищу слова. – Тут вдруг появляется человек, который цитирует тех же поэтов, думает о тех же вещах. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Женя протягивает руку через стол и накрывает мою ладонь. Его пальцы теплые, чуть шероховатые.

– Инга, – говорит он тихо, – а что если это и есть правда? Что если нам просто повезло друг с другом встретиться?

Я смотрю на наши соединенные руки и чувствую, как что-то меняется внутри. Какая-то стена, которую я годами строила вокруг себя, дает трещину.

– Тогда... – начинаю я и запинаюсь.

– Тогда что?

– Тогда я не знаю, что делать дальше. У меня нет опыта в таких вещах.

– В каких вещах?

– Ну... – я чувствую, как лицо наливается краской, – в отношениях. Во всем этом. Я всегда была сама по себе.

Женя молчит, не убирает руку. В его глазах читается понимание, и это почему-то успокаивает.

– Знаете что? – говорит он наконец. – Давайте не будем ничего планировать. Просто будем узнавать друг друга. Без обязательств, без ожиданий. Просто два человека, которым интересно вместе.

– Это возможно?

– Почему нет? Мы же творческие люди, должны уметь импровизировать.

Я улыбаюсь. Импровизация – это то, чего я всегда боялась. Но с ним почему-то кажется, что можно попробовать.

– Хорошо, – говорю я. – Попробуем.

– Тогда первый шаг: давайте перейдем на «ты». Все-таки мы коллеги по цеху.

– Коллеги?

– Ну да. Ты – сценарист, я – режиссер. Нам суждено сотрудничать.

– Хорошо... Женя, – произношу я его имя и чувствую, как оно ложится на язык. Легко, естественно.

– Инга, – повторяет он мое имя, и от того, как он его произносит – мягко, с каким-то особенным теплом – у меня по спине пробегают мурашки.

Официантка приносит новый кофе, и мы отпускаем руки. Смотрим друг на друга и понимаем: граница пройдена.

– Знаешь, – говорит Женя, – у меня есть одна идея.

– Какая?

– Я снимаю документальный фильм о молодых поэтах Москвы. Может, ты согласишься принять участие?

Я чуть не давлюсь кофе:

– Что? Нет, нет, я не для камеры. Я же стесняюсь, заикаюсь...

– Ерунда. У тебя прекрасный голос, выразительные глаза. И потом, это будет не студийная съемка, а живое интервью. Ты просто будешь рассказывать о поэзии, читать стихи.

– Не знаю... Это же страшно.

– А ты попробуй. Я обещаю, что если тебе не понравится, мы сразу остановимся.

Я молчу, размышляя. С одной стороны, идея участвовать в фильме кажется безумной. С другой стороны, это же возможность поделиться тем, что мне дорого. И потом, делать это с Женей не так страшно.

– Хорошо, – говорю я неожиданно для себя. – Попробуем.

– Серьезно? – его глаза загораются.

– Серьезно. Но с условием: если я буду выглядеть глупо, ты обещаешь все удалить.

– Обещаю. Хотя уверен, что ты будешь прекрасна.

Опять эта легкость, с которой он говорит комплименты. Я не привыкла к такому и каждый раз смущаюсь.

– Когда ты хочешь снимать?

– А завтра можешь? После института? Я знаю отличное место. Старый двор на Арбате, там особенная атмосфера.

Завтра. Значит, мы увидимся завтра. Сердце радостно подпрыгивает.

– Могу, – киваю я. – А что мне надеть? Как подготовиться?

– Ничего особенного. Будь собой. И захвати блокнот со стихами.

Мы допиваем кофе, и я понимаю, что не хочу расставаться. За эти несколько часов я словно ожила, почувствовала себя настоящей. Рядом с Женей я не странная мечтательная девочка, а поэт, творец, интересный собеседник.

– Проводить тебя? – спрашивает он, когда мы выходим из кафе.

– Не нужно, я на метро доберусь.

– Тогда до завтра.

Мы стоим на тротуаре, и неловкость снова повисает в воздухе. Как прощаться? Пожать руку? Обняться? Я не знаю правил этой игры.

Женя решает за меня. Он наклоняется и целует в щеку. Быстро, по-дружески, но мою щеку жжет еще долго после того, как он исчезает в толпе.

Еду домой в метро и смотрю на свое отражение в темном окне. Девушка в стекле улыбается – счастливо, растерянно, влюбленно. Да, влюбленно. Можно не обманывать себя.

Поднимаюсь по лестнице старого дома в центре. Я месяц искала эту квартиру, объездила весь город, пока не нашла именно то, что нужно. Однокомнатная, на четвертом этаже, с огромными окнами, выходящими во двор-колодец. Хозяйка сдавала неохотно. Испугалась, когда узнала, что я поэт. «А вы не будете здесь всяких богемных вечеринок устраивать?» – несколько раз спросила она меня. Я заверила, что богема – это не про меня, я тихая и аккуратная.

И правда, квартира стала моим убежищем. Высокие потолки, паркет, который скрипит в одном месте у окна, старые батареи, которые зимой поют свои песни. В комнате мой письменный стол у окна, заваленный рукописями, стеллаж с книгами и кровать. На стенах – репродукции, которые я покупала на книжных развалах, и моя единственная дорогая покупка – акварель молодого художника с Арбата.

Кухня крошечная, но уютная. Я нашла в антикварной лавке чайник в горошек и расставила на подоконнике банки с травами. Получилось очень по-домашнему, хотя дом этот не мой.

Когда я только въехала, квартира казалась огромной и пустой. Теперь она обжита, пропитана запахом кофе и старых книг, согрета моими привычками и мечтами. Здесь хорошо думается, здесь рождаются стихи.

Захожу в прихожую, и тут же звонит мама из Петербурга:

– Детка, как дела? Что-то голос у тебя какой-то веселый.

– Все хорошо, мам. Просто хорошее настроение.

– Случилось что-то?

– Нет, ничего особенного. Просто хороший день был.

После разговора сижу за столом и пытаюсь писать. Но вместо стихов на бумаге появляется его имя, выведенное разными почерками. "Женя", "Евгений", "Е.В.". Как школьница, честное слово.

Ложусь спать поздно, но засыпаю быстро. И снится мне осенний двор, камера, и я читаю стихи, а он смотрит на меня так, как будто я – самое удивительное, что есть в этом мире.

Просыпаюсь с улыбкой и пониманием: что-то началось. Что-то важное, настоящее, пугающее и прекрасное одновременно. И я готова узнать, куда это меня приведет.

Глава 5

Утром я просыпаюсь раньше будильника с каким-то странным ощущением, будто мир стал ярче, а воздух слаще. Только потом вспоминаю: сегодня съемка. Сегодня я увижу Женю.

Стою перед открытым шкафом и понимаю, что понятия не имею, что надеть для съемок документального фильма. В конце концов выбираю то, в чем чувствую себя собой – темно-серое платье-свитер, высокие сапоги и свое любимое винтажное пальто. Волосы оставляю распущенными.

В институте весь день не могу сосредоточиться. На семинаре по сценарному мастерству преподаватель разбирает диалоги, а я думаю о том, что буду говорить в кадре. На лекции по истории кино обсуждают неореализм, а я представляю, как буду читать стихи перед камерой.

– Ларина, вы с нами? – окликает меня преподаватель.

– Да, конечно, – краснею я, возвращаясь в реальность.

– Тогда скажите, в чем особенность операторской работы Феллини?

Каким-то чудом выкручиваюсь, отвечаю про субъективную камеру и поэтичность планов. Но мысли все равно где-то далеко.

После пар выхожу из института и сразу же вижу его. Женя стоит у входа с камерой на плече и треногой в руках, разговаривает с каким-то парнем. Увидев меня, улыбается той особенной улыбкой, от которой у меня подкашиваются ноги.

– Готова стать звездой? – спрашивает он, подходя ко мне.

– Готова сбежать, – отвечаю я честно.

– Поздно. Оборудование уже настроено, оператор ждет. Знакомься – это Сережа, мой друг и правая рука.

Парень машет мне рукой:

– Привет! Женька о тебе уже все уши прожужжал.

– Сережа! – одергивает его Женя, и я с интересом отмечаю, как он слегка краснеет.

– Что именно он говорил? – спрашиваю я, чувствуя, как играю в какую-то новую для себя игру.

– Что ты гениальный поэт и что...

– Сереж, может, поедем? – прерывает его Женя. – Света на улице осталось часа два максимум.

Едем на старый Арбат в Сережиной машине. Я сижу на заднем сиденье, слушаю, как они обсуждают технические детали съемки, и пытаюсь унять дрожь в руках. Блокнот со стихами лежит у меня на коленях как талисман.

– Волнуешься? – спрашивает Женя, повернувшись ко мне.

– Ужасно.

– Это нормально. Все волнуются перед камерой. Главное, забыть о ней и просто разговаривать со мной.

– Легко сказать.

– А ты представь, что мы снова в том кафе. Только вместо капучино у тебя в руках блокнот.

Машина останавливается возле старинного дома на Арбате. Женя ведет нас через арку во двор, и я замираю от восторга. Это не двор – это декорация к фильму о старой Москве. Мощеная брусчатка, кованые фонари, желтые листья кленов, засыпавшие скамейки. В углу двора – старинный особняк с облупившейся лепниной, и даже облупленность эта кажется нарочитой, художественной.

– Здесь жил когда-то известный издатель, – рассказывает Женя, пока Сережа устанавливает камеру. – В начале века тут собирались поэты. Говорят, бывал даже Блок.

– Правда?

– Не знаю, – смеется он. – Но красивая легенда, согласишься.

Сережа машет нам рукой:

– Готово! Можно начинать.

И вот я стою перед камерой, держу в руках блокнот и понимаю, что забыла, как дышать. Объектив смотрит на меня немигающим глазом, красная лампочка горит.

– Инга, – говорит Женя мягко, – посмотри на меня, а не на камеру.

Перевожу взгляд на него. Он стоит рядом с Сережей, и в его глазах такая поддержка, такое тепло, что дыхание постепенно выравнивается.

– Расскажи, как ты начала писать стихи, – просит он.

– Я... – голос дрожит. – Я не помню, когда начала. Кажется, всегда писала. В детстве складывала рифмы про кота, потом про дождь, потом... Ну а потом поняла, что это не игра, а необходимость.

– Необходимость?

– Ну да. Как дышать. Если долго не пишу, начинаю задыхаться от невысказанности.

Женя кивает, и я вижу, что он понимает. Это придает смелости.

– А что для тебя поэзия? – спрашивает он.

– Поэзия – это... – я задумываюсь, ищу слова. – Это способ поймать мгновение и сделать его вечным. Это попытка сказать то, для чего обычные слова слишком грубы. Это...

Останавливаюсь, боясь показаться пафосной.

– Продолжай, – подбадривает Женя.

– Это единственный язык, на котором можно разговаривать с одиночеством.

Тишина во дворе становится почти осязаемой.

– Прочитай что-нибудь, – просит Женя тихо.

Открываю блокнот, листаю страницы. Вчерашнее стихотворение про осень кажется слишком личным. Нахожу другое. Про этот город, про то, как Москва умеет быть жестокой и нежной одновременно.

– Это называется "Московские дворы", – говорю я и начинаю читать:

"В московских дворах живут привидения -

не страшные, а грустные.

Они помнят, как здесь

танцевали на выпускных,

целовались первый раз,

прощались навсегда.

Привидения сидят на скамейках

и листают прошлое,

как старые фотографии.

А мы проходим мимо,

торопимся в будущее

и не замечаем,

что когда-нибудь

и мы станем привидениями

в чьих-то дворах".

Заканчиваю читать и поднимаю глаза. Женя смотрит на меня так, будто видит впервые. В его взгляде восхищение и удивление.

– Это потрясающе, – говорит он. – Совершенно потрясающе.

– Да ладно, – смущаюсь я.

– Нет, серьезно. У тебя особенный дар: ты видишь душу города. А теперь прочитай еще что-нибудь, только более личное.

Листаю блокнот дальше. Нахожу стихотворение, которое писала несколько дней назад, еще до нашей встречи. Теперь оно кажется пророческим:

"Я всегда думала,
что одиночество – это диагноз.
Неизлечимый, хронический,
как близорукость или плоскостопие.
Ходила к докторам-друзьям,
глотала пилюли-вечеринки,
мазалась мазью общения,
но ничего не помогало.
А оказалось,
одиночество – это не болезнь.
Это просто ожидание.
Кого-то, кто будет говорить
на том же языке,
что и ты".

Тишина после стихотворения длится так долго, что я начинаю волноваться. Смотрю Женю. Он стоит неподвижно, и в его глазах что-то очень серьезное.

– Стоп, – говорит он наконец Сереже. – Достаточно на сегодня.

– Как стоп? – удивляется тот. – Мы же только начали.

– Стоп, – повторяет Женя твердо. – Инга, подойди ко мне.

Я подхожу, и он берет меня за руки. Его ладони теплые, немного дрожат.

– Откуда у тебя это стихотворение? – спрашивает он тихо.

– Написала на днях. А что?

– Ты понимаешь, о чем оно?

– Нууу... Об одиночестве. О том, как ждешь понимания.

– Инга, – он делает паузу, – а что если ожидание закончилось?

Глава 6

Воздух между нами вдруг становится густым, наэлектризованным. Я смотрю в его глаза и понимаю, что мы говорим не о стихах.

– Я... не знаю, – неуверенно шепчу я.

– А я знаю, – говорит он и наклоняется ко мне.

Поцелуй получается совсем не таким, как в книгах или фильмах. Не страстным, не драматичным. Он нежный, осторожный, вопросительный. Как будто Женя спрашивает разрешения, а я отвечаю согласием.

– Эм, ребят, – раздаётся голос Сережи, – может, я пойду оборудование в машину отнесу?

Мы отстраняемся друг от друга, и я чувствую, как лицо вспыхивает от смущения.

– Да, Сереж, спасибо, – говорит Женя, не сводя с меня глаз. – Мы скоро подойдем.

Сережа исчезает, а мы остаемся одни во дворе, где, возможно, когда-то бывал Блок и где сейчас происходит что-то очень важное.

– Не жалеешь? – спрашивает Женя.

– О чем?

– О том, что согласилась на съемку. О том, что пришла сюда.

Я думаю несколько секунд.

– Не жалею, – говорю я. – А ты?

– О чем мне жалеть?

– О том, что связался со странной поэтессой.

– Инга, – он берет мое лицо в ладони, – ты не странная. Ты настоящая. А это в наше время большая редкость.

– Может, покажешь мне свои любимые места в Москве? – спрашиваю я вдруг. – Те, что не для всех?

Его глаза загораются:

– Серьезно? У тебя есть время?

– Вся жизнь впереди.

– Тогда пошли. Только предупреждаю – это будет долгая прогулка.

– А я и не тороплюсь никуда.

Мы идем к машине, где ждет Сережа, и я понимаю, что этот день стал переломным. Что-то кончилось – время ожидания, одиночества, жизни в придуманном мире. И что-то началось – что именно, пока неясно, но от этой неопределенности кружится голова.

– Сереж, – говорит Женя, подходя к машине, – ты нас можешь на Патриарших посадить?

– Конечно. А оборудование?

– Увезешь домой. Мы сегодня закончили со съемками.

В машине я сижу рядом с Женей, и наши руки как-то сами собой находят друг друга. Его пальцы переплетаются с моими, и это кажется самым естественным жестом в мире.

– А что мы будем делать на Патриарших? – спрашиваю я.

– Увидишь. Там одно место особенное есть. Особенно в это время суток.

Машина петляет по вечерним московским улицам, фонари уже зажглись, но темнота еще не полная. Такое особенное время, когда день превращается в вечер, а обычное в волшебное.

Вот и Патриаршие пруды. Сережа высаживает нас у входа в сквер.

– Удачи, – говорит он с хитрой улыбкой и уезжает, оставляя нас одних.

Женя берет меня за руку, и мы идем в сквер. Народу мало, видимо, все уже разошлось по домам, а те, кто остался, торопятся покинуть парк до полной темноты. Но Женя ведет меня не к пруду, как я ожидала, а в противоположную сторону.

– Куда мы идем? – спрашиваю я.

– К месту, где Булгаков встретил дьявола, – отвечает он с такой серьезностью, что я не сразу понимаю, шутит он или нет.

– Женя, это же выдумка.

– А ты уверена? – Он останавливается и поворачивается ко мне. – Вообще-то я хочу показать тебе скамейку, на которой Берлиоз и Бездомный беседовали с Воландом. Не ту, туристическую, а настоящую.

– Настоящую? – В голосе сквозит недоверие.

– Настоящую. Та, что с памятником – для обывателей. А есть еще одна, совсем неприметная, в глубине сквера. Булгаков сам мне показывал.

– Женя, Булгаков умер за двадцать лет до твоего рождения.

– Ну хорошо, хорошо, – смеется он. – Просто место особенное. Увидишь.

Мы углубляемся в сквер. Фонари здесь горят тусклее, деревья смыкаются над дорожкой, и действительно становится как-то таинственно. Женя ведет меня по боковой тропинке, почти заросшей, и вдруг останавливается:

– Вот.

Передо мной обычная старая скамейка, облезлая, потертая. Но стоит она в очень красивом месте, в небольшой ложбинке, окруженной старыми липами. Отсюда пруд не виден, но слышно, как тихо плещется вода. И главное, отсюда не слышен городской шум. Кажется, что мы попали в какой-то заповедный уголок старой Москвы.

– Садись, – говорит Женя.

Сидим молча. Я смотрю на него украдкой.

– Расскажи, как ты нашел это место, – прошу я.

– Случайно. Года два назад бродил тут один, думал над сценарием. Нашел эту скамейку, сел, и вдруг все как-то сложилось в голове. С тех пор прихожу сюда, когда нужно подумать о чем-то важном.

– А сейчас? О чем думаешь?

Он поворачивается ко мне:

– О том, что жизнь штука непредсказуемая. Еще неделю назад я был уверен, что знаю, чего хочу. Закончить институт, снять несколько фильмов, завоевать признание... А сегодня сижу на скамейке с девушкой, которая читает Бродского в метро, и понимаю, что все мои планы – полная ерунда.

– Почему ерунда?

– Потому что в них не было тебя.

Я чувствую, как внутри все переворачивается. Это слишком красиво, чтобы быть правдой. Слишком идеально. И в то же время я верю каждому его слову.

– Женя, мы знакомы два дня.

– И что? Разве есть какая-то норма? Три дня, неделя, месяц?

– Есть здравый смысл.

– К черту здравый смысл, – говорит он и встает. – Пошли, покажу тебе еще одно место.

Глава 7

Мы выходим из сквера и идем по Малой Бронной. Женя шагает быстро, увлеченно рассказывает:

– Знаешь, в чем проблема нашего поколения? Мы слишком много думаем. Анализируем, взвешиваем, сомневаемся. А наши деды в восемнадцать шли в бой и не мучили себя вопросами, правильно это или нет. Наши родители в двадцать женились, рожали детей и строили коммунизм. А мы все боимся ошибиться.

– Может, это и правильно – бояться?

– Инга, – он останавливается посреди тротуара, – а что если мы ошибемся, не если что-то сделаем, а если что-то НЕ сделаем?

Я не успеваю ответить, потому что он снова берет меня за руку, и мы сворачиваем в какой-то переулок.

– Куда теперь?

– В самое романтическое место Москвы. Которое почему-то никто не знает.

Переулок узкий, застроенный старыми домами. Фонари едва освещают дорогу, и я начинаю немного волноваться. Но Женя идет уверенно.

– Вот, – говорит он, останавливаясь возле невзрачной арки между домами.

– Что это?

– Сейчас увидишь.

Мы проходим арку и попадаем... в сказку. Передо мной крошечный дворик, больше похожий на большую комнату под открытым небом. Стены старых домов образуют почти правильный квадрат, а в центре растет огромная старая яблоня. Земля под ней усыпана опавшими листьями, золотыми и красными.

– Боже мой, – шепчу я. – Как красиво!

– Правда? А теперь посмотри наверх.

Поднимаю голову и ахаю. Дворик настолько маленький и так окружен домами, что кусочек неба над ним кажется идеально круглым. И в этом круге – звезды. В Москве, где звезд почти не видно из-за подсветки, здесь они сияют, как в деревне.

– Как ты нашел это место?

– Заблудился год назад. Зашел в арку и обнаружил этот дворик. Хотел уйти, но тут в одном из окон кто-то включил радиоприемник, зазвучала музыка, и я остался. Простоял здесь минут сорок, слушал и смотрел на звезды.

Мы садимся прямо на землю, прислонившись спинами к стволу яблони. Женя снимает свою куртку и подстиляет мне.

– Не простудишься?

– Не простужусь. Зато ты не замерзнешь.

Сидим и смотрим на звезды. В какой-то момент Женя начинает тихо говорить:

– Знаешь, чего я больше всего боюсь? Что вся эта красота – театр, архитектура, литература, кино – исчезнет. Что люди перестанут это ценить, перестанут понимать. Что через двадцать лет никому не нужен будет Бродский, которого ты читаешь в метро.

– Не исчезнет, – говорю я. – Не может исчезнуть. Всегда будут люди, которые чувствуют красоту.

– Откуда такая уверенность?

– Потому что мы есть. Ты и я. И если есть мы, значит, есть и другие.

Он поворачивается ко мне:

– Вот за это я тебя и... – он не договаривает.

– Что? – спрашиваю я, хотя сердце уже колотится.

– За это я тебя и полюбил, – говорит он просто.

Мир вокруг замирает. Даже ветер перестает шуметь в листьях яблони.

– Женя...

– Не надо ничего говорить. Просто знай. Я не верил в любовь с первого взгляда, считал это глупым романтическим штампом. А теперь понимаю: она действительно существует. Только происходит не с первого взгляда, а с первого слова. С первого услышанного стихотворения. С первого понимания, что встретил родственную душу.

Я молчу, потому что не знаю, что сказать. Внутри радость, страх, недоверие, надежда.

– Ты не обязана отвечать тем же, – продолжает он. – Просто позволь мне быть рядом с тобой. Позволь показать тебе еще сто таких мест, поделиться своими фильмами и снять историю по твоим сценариям.

– Женя, – говорю я наконец, – а что если это просто... Ну не знаю, эмоциональный всплеск? Романтическая обстановка, звезды, твои красивые слова?

– А что если нет? – Он берет мою руку. – Что если это то самое настоящее, которое мы оба ищем в своем творчестве?

Я смотрю в его глаза и вижу там не только влюбленность, но и что-то более глубокое. Понимание. Признание. Как будто он действительно видит меня – не красивую картинку, а меня настоящую, со всеми странностями и противоречиями.

– Покажешь еще какое-нибудь место? – спрашиваю я вместо ответа.

– Покажу. Но сначала... – Он наклоняется и целует меня снова. На этот раз поцелуй получается другим. Не вопросительным, а утверждающим. И я понимаю, что отвечаю ему с той же уверенностью.

Когда мы отстраняемся друг от друга, из окна одного из домов доносится тихая мелодия. Кто-то играет на пианино старый романс.

– Это словно специально, – смеюсь я. – Такое не может быть случайностью.

– В Москве все возможно, – говорит Женя. – Особенно в такие вечера, как сегодня.

Мы поднимаемся, отряхиваем одежду и выходим из волшебного дворика на улицу.

– Следующее место далеко? – спрашиваю я.

– Не очень. Дойдем пешком. Только предупреждаю – оно совсем не похоже на предыдущие.

– В каком смысле?

– Увидишь.

Мы идем по пустым московским переулкам, и я чувствую себя героиней старого фильма. Или старой книги. Романтичность ситуации кажется почти нереальной, но в то же время все происходящее очень живое, настоящее.

– Женя, а твои родители не волнуются, что ты до сих пор не дома?

– Нет, они привыкли, что я поздно прихожу. А твои родители?

– У меня только мама. Она в Петербурге. И тоже привыкла к моему режиму.

– Значит, мы свободны, – говорит он и сжимает мою руку.

Глава 8

Евгений

Я смотрю на Ингу, которая идет рядом со мной по ночной Москве.

Она не такая, как все остальные. Совсем не такая. Когда другие девушки говорят о кино, они обсуждают актеров и сплетни. Инга же видит в каждом фильме философию, поэзию, отражение человеческой души. Когда я показал ей свои режиссерские наброски, она не сказала дежурное "как интересно", а задала такие вопросы, которые заставили меня по-новому взглянуть на собственные идеи.

И эти ее стихи... Боже, как она пишет! Каждая строчка – это не просто слова, а целый мир. Мир, в котором я хочу жить, который хочу снимать, который хочу показывать людям. Когда она читала про московские дворы и привидения, у меня по коже побежали мурашки. Она видит город так же, как вижу его я. Она чувствует то же одиночество среди толпы, ту же тоску по настоящему среди фальши.

– Куда мы идем? – спрашивает она, и в ее голосе нет ни капли недоверия. Она просто идет за мной, потому что доверяет. Когда в последний раз кто-то доверял мне так безоговорочно?

– К месту, которое покажет тебя мне с другой стороны, – отвечаю я загадочно.

Мы сворачиваем на Тверскую, потом на Камергерский переулок. Народу почти нет, только редкие прохожие торопятся по своим делам. Инга идет рядом, и ее длинное черное пальто развеивается на ветру. В тусклом свете фонарей она кажется героиней старого французского фильма – утонченной, загадочной, немного не от мира сего.

Мы останавливаемся возле ничем не примечательного подъезда. Инга смотрит на меня вопросительно, и я чувствую, как внутри поднимается волнение. Сейчас я покажу ей место, которое не показывал еще никому. Даже Сережа не знает о нем.

– Это дом моей бабушки, – говорю я, доставая ключи.

– И ты хочешь...

– Хочу показать тебе крышу. Там особенное место.

Поднимаемся медленно, игнорируя лифт, на седьмом этаже открываю техническую дверь, ведущую на чердак. Инга поначалу смотрит с опаской: там темно, пахнет пылью и старым деревом.

– Осторожно, здесь балки низкие, – предупреждаю я, включая фонарик.

Проходим через чердак к еще одной двери. Ее я нашел сам, год назад, когда понял, что задыхаюсь от городской суеты, от людей, от необходимости постоянно кому-то что-то доказывать.

– А теперь закрой глаза, – прошу я.

– Женья...

– Пожалуйста. Доверься мне.

Она закрывает глаза, и я осторожно веду ее за руку. Открываю дверь на крышу, и нас обдает прохладным октябрьским воздухом.

– Теперь можешь открыть.

Инга открывает глаза и замирает. Передо мной весь ночной город: огни, улицы, далекие окна квартир, где люди живут своими жизнями. Но самое главное не это. Самое главное то, что в углу крыши, за трубой под навесом я устроил себе маленькое убежище. Старое кресло, которое вытащил с чердака и отреставрировал. Небольшой столик. Полка с книгами в водонепроницаемом ящике.

– Боже мой, – шепчет Инга. – Это твое...

– Убежище. Место, где я думаю, читаю, пишу. Откуда я смотрю на город и понимаю, какие истории хочу рассказать.

Она медленно подходит к краю крыши, опирается на парапет. Ветер треплет ее волосы, и в свете городских огней она выглядит совершенно нереально. Как будто сошла с экрана черно-белого фильма.

– Как красиво, – говорит она тихо. – И как одиноко.

– Да. Одиноко, – соглашаюсь я. – Я поднимался сюда, когда мне казалось, что никто меня не понимает. Когда все вокруг говорили о карьере, деньгах, связях, а я хотел говорить о смысле, о красоте, о том, зачем мы вообще живем.

Инга поворачивается ко мне:

– И что ты чувствовал?

– Чувствовал, что я не такой, как все. Что со мной что-то не так. Все мои однокурсники знали, чего хотят: снять коммерческий фильм, заработать денег, стать знаменитыми. А я сидел здесь и мечтал снимать кино, которое будет задавать вопросы, а не давать готовые ответы. Кино, которое заставит людей думать, чувствовать, меняться.

– А теперь?

Я подхожу к ней, беру за руки:

– А теперь я понимаю, что со мной все в порядке. Потому что я встретил тебя. И ты такая же. Ты тоже не хочешь писать то, что модно. Ты пишешь то, что чувствуешь. То, что важно.

Инга смотрит на меня, и в ее глазах отражаются городские огни:

– Знаешь, всю жизнь я думала, что я странная. В школе – потому что читала стихи вместо глянцевого журнала. В институте – потому что меня больше интересует внутренний мир героев, чем сюжетные повороты. Все говорили: "Инга, ты слишком серьезная, слишком сложная, слишком..." – она ищет слова.

– Слишком настоящая, – подсказываю я.

– Да! Слишком настоящая для этого мира. А здесь, на твоей крыше, рядом с тобой я впервые чувствую себя не странной, а особенной.

Что-то переворачивается у меня в груди. Я притягиваю ее к себе, и мы стоим на краю крыши, обнявшись, а внизу шумит и сверкает огнями наша Москва.

– Инга, – говорю я на ухо, – хочешь, мы будем создавать красоту вместе? Ты будешь писать сценарии, я буду их снимать. Мы расскажем миру те истории, которые никто больше не рассказывает.

Она отстраняется, смотрит мне в глаза:

– Seriously?

– Абсолютно серьезно. У меня уже есть идеи, а теперь, когда я прочитал твои стихи, я вижу, как это может работать. Твоя поэтичность плюс мой визуальный язык. Мы снимем фильмы, которые будут как стихи – глубокие, честные, настоящие.

– А что скажут в институте? Преподаватели любят более коммерческие проекты.

– А плевать мне на преподавателей! – вырывается у меня. – Прости, но это правда. Мне надоело подстраиваться под чужие представления о том, каким должно быть кино. Хочу снимать так, как чувствую.

Инга улыбается, и эта улыбка стоит всех одобрений всех преподавателей мира:

– Тогда да. Давай попробуем.

Я беру ее за руку и веду к своему креслу:

– Садись. Хочу прочитать тебе отрывок из сценария, который пишу. Теперь я понимаю, чего в нем не хватало.

– Чего же?

– Тебя. Твоего взгляда на мир. Твоей поэзии.

Инга садится в кресло, я достаю из ящика потрепанную тетрадь. Сажусь на подлокотник, открываю на нужной странице:

– Это история о режиссере, который ищет смысл в искусстве и находит его в любви. Называется "Крыши Москвы".

Глава 9

– Как символично, – замечает Инга.

– Слушай. – Я начинаю читать: – "Он поднимался на крышу каждый вечер, надеясь найти в городских огнях ответы на вопросы, которые мучили его днем. Кому нужны его фильмы? Зачем он вообще взял в руки камеру? И почему среди миллионов людей он чувствует себя таким одиноким?".

Инга слушает внимательно, и я вижу, как меняется выражение ее лица. Она не просто слушает, она переживает каждое слово.

– "И вот однажды он встретил девушку, которая читала стихи в метро. И понял, что все ответы были не в огнях города, а в ее глазах".

Заканчиваю читать и смотрю на Ингу. Она молчит, и я начинаю волноваться:

– Ну как?

– Женья, – говорит она тихо, – а ты не боишься?

– Чего?

– Того, что мы слишком быстро... ну, слишком много планируем. Фильмы, сценарии, будущее... А вдруг это просто эмоции? Вдруг завтра мы проснемся и поймем, что все это было красивой иллюзией?

Я встаю, подхожу к парапету, смотрю на город. Потом поворачиваюсь к ней:

– Знаешь, что я думаю? Я думаю, что всю жизнь искал именно тебя. Не просто девушку – их у меня было достаточно. Искал человека, который будет говорить со мной на одном языке. Который поймет, почему я хочу снимать сложное кино, а не развлекательное. Который увидит красоту там, где другие видят только обыденность.

Я подхожу к ней, опускаюсь на колени рядом с креслом:

– Инга, может, это действительно быстро. Может, мы сходим с ума. Но знаешь что? Все великие истории любви начинались с безумия. Ромео и Джульетта, Мастер и Маргарита, Орфей и Эвридика... Они не думали о здравом смысле. Они просто любили.

– А если мы ошибаемся?

– А если не ошибаемся? – Я беру ее руки в свои. – Что если это действительно то самое настоящее, которое случается раз в жизни? Что если через двадцать лет мы будем сидеть здесь же, на этой крыше, показывать детям наши фильмы и рассказывать, как все начиналось?

Инга улыбается сквозь слезы:

– Ты неисправимый романтик.

– А ты неисправимая поэтесса. Мы созданы друг для друга.

Она встает из кресла, подходит ко мне. Мы стоим на крыше, обнявшись, а где-то внизу течет жизнь – обычная, суетливая, полная компромиссов. А здесь, под звездами, рождается что-то новое. Не просто любовь. Это союз двух творческих душ, которые нашли друг друга в огромном равнодушном мире.

– Ладно, – говорит Инга. – Убедил. Будем создавать красоту вместе. Но с одним условием.

– Каким?

– Если через месяц поймем, что все это была красивая иллюзия, расстанемся друзьями.

Без драм, без обид. Просто скажем спасибо за прекрасное время.

Я смеюсь:

– Договорились. Хотя я уверен, что через месяц буду любить тебя еще сильнее.

– Откуда такая уверенность?

– Потому что я уже сейчас понимаю: я искал тебя всю жизнь. Во всех книгах, которые читал, во всех фильмах, которые смотрел, во всех девушках, с которыми встречался. Искал

ту единственную, которая поймет мои безумные идеи, разделит мои мечты, будет смотреть на мир теми же глазами, что и я.

Инга поднимает голову, смотрит на звезды:

– А знаешь, что самое удивительное? Я тоже тебя искала. Только не знала об этом. Думала, что хочу просто понимания, признания... А оказывается, хотела найти свою половинку. Человека, с которым можно создавать искусство и не бояться быть непонятой.

– Нашла, – говорю я и целую ее.

Этот поцелуй совсем не похож на предыдущие. В нем нет робости, нет вопросов. Только утверждение, только радость, только предвкушение всего того прекрасного, что нас ждет впереди.

А когда мы отстраняемся друг от друга, я понимаю, что моя жизнь разделилась на "до" и "после". До встречи с Ингой и после. И это "после" будет наполнено смыслом, красотой и настоящей любовью.

– Холодно? – спрашиваю я, заметив, что Инга слегка дрожит.

– Немного.

– Пошли вниз, – говорю я, снимая свою куртку и накидывая ей на плечи. – Провожу тебя домой.

На улице Инга крепче прижимается ко мне. Мы идем не спеша, словно пытаемся растянуть эту ночь как можно дольше. Город притих, только редкие машины проносятся по пустынным улицам.

– Далеко живешь? – спрашиваю я.

– На Фрунзенской. Минут двадцать пешком, – отвечает она. – А ты не против пройтись?

– Я готов обойти с тобой всю Москву.

Она смеется, и этот звук дороже любой музыки. Мы сворачиваем на набережную, идем вдоль реки. Вода темная, в ней отражаются фонари и окна домов на противоположном берегу.

– Женя, – говорит Инга вдруг, – а что, если мы действительно снимем фильм?

– Обязательно снимем. У меня есть знакомые на небольшой студии, они всегда ищут свежие идеи. Главное, написать хороший сценарий.

– Тогда завтра же начну писать, – решительно заявляет она.

– Завтра? – удивляюсь я. – Не рано ли?

– А что тянуть? – Инга останавливается, поворачивается ко мне лицом. – Ты же сам говорил, что все великие истории начинаются с безумия. Вот пусть наша и начинается.

Я смотрю на нее – взъерошенные волосы, блестящие глаза, щеки, розовые от холода – и понимаю, что готов следовать за ней куда угодно.

– Хорошо. Завтра встречаемся и начинаем работать над сценарием.

Мы доходим до ее дома. Это старинная сталинка с массивным подъездом. Инга достает ключи, но не торопится уходить.

– Спасибо тебе за сегодняшний вечер, – говорит она тихо. – За то, что показал мне, что я не одинока в этом мире.

– Это тебе спасибо, – отвечаю я. – За то, что согласилась пойти с незнакомцем. За то, что поверила мне. За то, что оказалась именно такой, какой я тебя представлял.

Мы стоим у подъезда, и мне не хочется отпускать ее. Хочется продолжать разговор, смотреть в ее глаза, слушать ее голос.

Она поднимается на цыпочки и целует меня.

– Спокойной ночи, режиссер, – шепчет она.

– Спокойной ночи, поэтесса.

Инга исчезает в подъезде, а я стою еще несколько минут, глядя на освещенные окна. Где-то там, за одним из них, она поднимается по лестнице, думает о сегодняшнем вечере, возможно, улыбается.

Глава 10

Инга

Звонок будильника врывается в мой сон, где я все еще стою на крыше рядом с Женей и смотрю на огни ночной Москвы. Открываю глаза. За окном серое октябрьское утро, а в голове все еще звучат его слова о том, что мы будем создавать красоту вместе.

Встаю, подхожу к окну. Во дворе-колодце тихо, только дворник метет опавшие листья. Неужели вчера действительно все так и было? Или я все придумала, как часто придумываю свои истории?

Завтракаю, пытаюсь привести мысли в порядок. Что со мной происходит?

Евгений Вальтер. Даже имя у него красивое, режиссерское. И эти его глаза, и уверенность, с которой он говорит о будущем. Наше будущее.

"Не торопись, Инга, – говорю себе, наливая кофе. – Это всего лишь два дня. Красивые слова, романтическая обстановка – все это может оказаться мыльным пузырем".

Но что-то внутри протестует против этого рассудка. Что-то говорит мне, что Женя – это не случайность. Это судьба.

Звонит телефон. Сердце подскакивает: а вдруг это он?

– Алло?

– Инга, дорогая, это мама, – слышу знакомый голос из Петербурга. – Как дела? Что нового?

Что ответить? Что я влюбилась с первого взгляда в сына богатых родителей, который обещает снимать фильмы по моим сценариям?

– Все хорошо, мам. Учеба, стихи... Как обычно.

– А личная жизнь? Познакомилась с кем-нибудь?

Мама всегда чувствует, когда в моей жизни что-то меняется. Даже на расстоянии.

– Может быть, – отвечаю осторожно. – Рано еще говорить.

– Ну хоть намекни! Студент? Из твоего института?

– Студент режиссерского факультета, – не выдерживаю я. – Очень талантливый. И особенный.

– Понятно, – в мамином голосе слышится улыбка. – Значит, поэт. Ты у меня притягиваешь творческих людей, как магнит.

– Он не поэт. Он снимает кино.

– Без разницы. Главное, чтобы он был хорошим человеком. И чтобы ты была счастлива. Счастлива ли я? Да, кажется, да. Впервые за долгое время.

– Мам, а ты сразу поняла, что папа – тот самый? – спрашиваю вдруг.

Пауза. Мама редко говорит об отце, он ушел, когда мне было пять.

– Думала, что поняла, – говорит она наконец. – Но оказалось, что любовь и подходящий человек – это не всегда одно и то же. Главное, чтобы он тебя ценил такой, какая ты есть. Не пытался переделать.

– Он говорит, что я особенная.

– Ты и есть особенная. Только смотри, не влюбляйся в слова. Смотри на поступки.

После разговора с мамой на душе как-то беспокойно. А что если она права? Что если я очаровалась красивыми фразами, а не самим человеком?

Иду в институт, думаю о Жене. В коридорах шумно, студенты обсуждают вечеринки, фильмы, сплетни. А я все еще мысленно стою на крыше под звездами.

– Инга! – окликает меня Лена, моя подруга с курса. – Ты какая-то странная сегодня. Еще более отрешенная, чем обычно.

– Просто устала, – отвечаю я.

– Точно? А то говорят, вчера тебя видели с Вальтером. Евгением Вальтером! – Ленка смотрит на меня с плохо скрываемым любопытством.

Вот и добрались сплетни. В нашем институте все друг про друга знают.

– И что с того?

– Инга, да ты понимаешь, кто он такой? Его отец – известный продюсер, мать – актриса. У них дом в Переделкино, квартира в центре Москвы, связи во всем кинематографическом мире. А он сам... Он же самый завидный жених на нашем курсе!

Завидный жених. Как это режет слух. Неужели другие видят в Жене только статус и деньги?

– Лен, ты его лично знаешь?

– Ну не близко, конечно. Но все знают, что он не встречается с простыми девушками. У него были романы с дочкой одного известного режиссера, с внучкой того самого продюсера... В общем, он привык к определенному уровню.

– И что ты хочешь сказать?

– Ничего плохого! Просто будь осторожна. Может, для него это просто развлечение. Экзотика, так сказать.

Экзотика. Неужели я для него экзотика? Бедная студентка, которая пишет стихи и снимает однокомнатную квартиру?

Весь день не могу сосредоточиться на лекциях. Мысли путаются, а слова Лены крутятся в голове. После занятий иду домой и понимаю, что Женя так и не позвонил. Может, для него вчерашний вечер действительно был просто красивым эпизодом?

Дома пытаюсь писать, и ничего не получается. Обычно стихи льются сами, а сегодня каждая строчка дается с трудом. Все мысли – о нем.

В семь вечера звонит телефон.

– Инга? Это Женя.

Сердце подкакивает, но я стараюсь говорить спокойно:

– Привет.

– Как дела? Как прошел день?

– Нормально. А у тебя?

– Скучно без тебя, – говорит он, и в его голосе слышится улыбка. – Слушай, завтра суббота. Хочешь поехать ко мне домой? Познакомишься с родителями.

Я замираю. Познакомиться с родителями – это серьезно. Это означает, что он настроен всерьез.

– Женя, а не рано ли? Мы же только...

– Инга, они определенно захотят познакомиться с девушкой, которая мне нравится. А тебе я говорил, что не привык скрывать то, что для меня важно.

– Но что я им скажу? Как представлюсь?

– Скажешь, что ты моя девушка. Что ты талантливая поэтесса и будущий сценарист. Что я тебя люблю.

Эти простые слова переворачивают все во мне. Он действительно хочет познакомить меня с родителями. Значит, все серьезно.

– Хорошо, – говорю я. – Приеду.

– Отлично! Завтра в два часа. Адрес скину эсэмэской. И не волнуйся, они хорошие люди.

Глава 11

После разговора хожу по квартире, не находя себе места. Что надеть? Как вести себя? О чем говорить с людьми из совершенно другого мира?

Открываю шкаф и понимаю, что практически нечего надеть. Мой гардероб состоит в основном из джинсов, свитеров и одного черного пальто. Нахожу темно-синее платье, которое мама прислала на день рождения – строгое, скромное, но красивое.

Платье, решаю я. С этим платьем и скромными украшениями я буду выглядеть прилично.

Весь вечер репетирую разговор с родителями Жени. Представляю, о чем они будут спрашивать, что я буду отвечать. Но чем больше думаю, тем больше волнуюсь.

Утром просыпаюсь с головной болью и дурными предчувствиями. За окном моросит дождь, серо и тоскливо. Подхожу к зеркалу – бледная, с кругами под глазами. Не самый лучший вид для знакомства с будущими свекровью и свекром.

"Опять ты забегаешь вперед, – говорю себе. – Какие свекры? Ты его три дня знаешь!"

Но сердце подсказывает другое. Сердце говорит, что Женя – это всерьез и надолго.

Собираюсь тщательно. Платье, туфли на небольшом каблучке, скромный макияж. Волосы укладываю в низкий пучок – строго, но женственно. В сумку кладу небольшой блокнот со стихами, вдруг они захотят послушать.

Выхожу из дома в половине первого, хотя ехать недалеко. Лучше прийти немного раньше, чем опоздать.

В метро сидит пожилая женщина с внучкой. Девочка капризничает, просит мороженое. Бабушка терпеливо объясняет, что сейчас осень, холодно, мороженое нельзя. И вдруг я понимаю: а что, если родители Жени тоже будут считать меня маленькой девочкой, которая не понимает серьезности жизни? Что, если они увидят во мне только молодость и неопытность?

Доезжаю до нужной станции. Выхожу на улицу и ищу дом по указанному адресу. Центр Москвы, старинные здания, дорогие машины у подъездов. Все здесь дышит деньгами и статусом.

Нахожу нужный дом. Это сталинская высотка с роскошным подъездом. Швейцар в форме вежливо спрашивает, к кому я иду. Называю фамилию Вальтер, он проверяет по списку и пропускает.

Поднимаюсь на седьмой этаж. Перед дверью останавливаюсь, дышу глубже. Спокойно, Инга. Это всего лишь знакомство.

Звоню в дверь. Открывает сам Женя. В светлых брюках и белой рубашке, он выглядит еще красивее, чем обычно.

– Инга! – Он обнимает меня, целует в щеку. – Проходи, не стесняйся.

Прохожу в прихожую и сразу понимаю: я попала в другой мир. Высокие потолки, старинная мебель, картины на стенах, паркет, который блестит как зеркало. Пахнет дорогими духами и свежими цветами.

– Мама, папа, знакомьтесь – это Инга, – говорит Женя, ведя меня в гостиную.

Комната огромная, с окнами во всю стену. За большим столом сидят трое: элегантная женщина лет пятидесяти в светлом костюме, мужчина примерно того же возраста в строгом пиджаке и еще один мужчина, помоложе, с внимательными глазами и едва заметной улыбкой.

– Анастасия Ивановна, – представляется женщина, протягивая мне руку. Рукопожатие холодное, формальное.

– Роман Григорьевич, – кивает мужчина. Смотрит оценивающе.

– А это Олег Сергеевич, друг нашей семьи, – добавляет Женя.

Олег встает, подходит ко мне. Рукопожатие у него теплое, крепкое. Смотрит прямо в глаза, и от этого взгляда становится немного не по себе.

– Очень приятно познакомиться, Инга, – говорит он. – Женя много о вас рассказывал.
– Садитесь, пожалуйста, – приглашает Анастасия Ивановна, указывая на стул напротив себя.

Сажусь, кладу руки на колени. Чувствую себя как на экзамене.

– Чай? Кофе? – спрашивает она.

– Чай, пожалуйста.

Наступает неловкая пауза. Женя садится рядом со мной, берет за руку. Этот жест поддержки очень нужен.

– Женя говорит, вы пишете стихи, – начинает разговор Роман Григорьевич. – Это хобби или профессиональные планы?

– Пока учусь на сценариста, – отвечаю я. – Но стихи для меня очень важны. Это способ понимать мир.

– Понимать мир, – повторяет он с едва заметной иронией. – Интересно. А как вы планируете зарабатывать на жизнь? Поэзия в наше время – не самая прибыльная сфера.

Я чувствую, как краснею. Конечно, они сразу перешли к деньгам. Для них это главное.

– Планирую писать сценарии для кино, – отвечаю как можно спокойнее. – Соединять поэзию с визуальным языком.

– Амбициозно, – замечает Анастасия Ивановна, разливая чай по чашкам. – А опыт у вас есть? Публикации, награды?

– Мама, – вмешивается Женя, – Инга еще студентка. Но у нее потрясающий талант, я уверен...

– Пусть девочка сама отвечает, – перебивает его отец. – Нам интересно познакомиться с ней поближе.

Девочка. Они видят во мне именно девочку – наивную, неопытную, не подходящую для их сына.

– Пока публикаций нет, – говорю я честно. – Но я много читаю, изучаю кинематограф, работаю над собственным стилем.

– Ясно, – кивает Роман Григорьевич. – А семья у вас какая? Родители чем занимаются? Вот оно. Проверка на социальное соответствие.

– Мама работает бухгалтером в Петербурге, – отвечаю я. – Отца нет.

Молчание становится еще более тягостным. Я чувствую, как они переглядываются, и мне хочется провалиться сквозь землю.

– Понятно, – произносит Анастасия Ивановна таким тоном, будто я призналась в чем-то постыдном.

– А где вы живете в Москве? – продолжает допрос Роман Григорьевич.

– Снимаю квартиру на Фрунзенской.

– Одна?

– Да.

– Родители помогают с арендой?

Я понимаю, куда он клонит. Хочет выяснить, не охочусь ли я на их семейные деньги.

– Нет, – отвечаю сухо. – Подрабатываю, сама себя обеспечиваю.

– Похвально, – говорит Олег Сергеевич, впервые включаясь в разговор. – Редко встретишь таких самостоятельных девушек.

Его слова звучат искренне, и я с благодарностью смотрю на него.

– Женя, – обращается к сыну Анастасия Ивановна, – покажи Инге дом, а мы пока приготовим обед.

Глава 12

Это явно отговорка, чтобы обсудить меня в мое отсутствие. Женя понимает это и выглядит недовольным.

– Хорошо, – соглашается он. – Инга, пойдем, я покажу тебе мою комнату.

Мы выходим из гостиной, и я наконец могу вздохнуть свободно.

– Прости их, – говорит Женя, ведя меня по коридору. – Они просто привыкли... к определенному типу людей.

– К богатым, ты хочешь сказать?

– Не только. К тем, кто понимает правила их мира. Связи, статус, репутация...

– А я не понимаю?

Женя останавливается, поворачивается ко мне:

– Ты лучше их мира, Инга. Ты настоящая. А они привыкли к искусственности, к людям, которые играют роли.

Открывает дверь в свою комнату, и я забываю на мгновение о неприятном разговоре. Комната огромная, светлая, с высокими окнами. Вдоль стен – стеллажи с книгами и дисками. Рабочий стол завален сценариями, на полу – профессиональная кинокамера.

– Боже мой, – шепчу я. – Это же настоящая творческая лаборатория.

– Здесь я работаю, когда не могу подняться на крышу, – объясняет Женя. – Вот мои первые фильмы, – показывает он на полку с дисками. – Хочешь посмотреть?

Я киваю, и он включает проектор. На стене появляется изображение – черно-белый этюд о московских дворах. Операторская работа потрясающая, каждый кадр продуман до мелочей.

– Женя, это же гениально, – говорю я искренне. – Ты действительно талант.

– Правда нравится? – В его голосе слышится неуверенность.

– Более чем. Ты умеешь находить красоту в обыденном. Это редкий дар.

Он обнимает меня, и я чувствую, как напряжение наконец отпускает.

– Инга, не обращай внимания на родителей. Они просто защищают меня. По-своему.

– Я понимаю, – киваю я. – Но мне кажется, я им совсем не понравилась.

– А мне кажется, ты понравилась Олегу.

– Да, он единственный, кто был дружелюбен.

– Олег хороший человек. Он много лет дружит с нашей семьей, практически как дядя для меня. У него прекрасный вкус и чутье на людей.

Мы возвращаемся в гостиную, где уже накрыт стол. Дорогая посуда, хрусталь, серебряные приборы. Все это богатство заставляет меня чувствовать себя еще более неуместно.

– Присаживайтесь, – приглашает Анастасия Ивановна. – Надеюсь, вы не вегетарианка?

– Нет, – отвечаю я, садясь рядом с Женей.

Олег садится напротив меня. Время от времени я ловлю его взгляд – внимательный, изучающий, но доброжелательный.

– Инга, – обращается он ко мне, – а что вы читаете? Какие поэты вам близки?

Наконец-то нормальный вопрос.

– Цветаева, Ахматова, Бродский, – отвечаю я. – Из современных – Кибилов, Кенжеев...

– Прекрасный выбор, – одобряет Олег. – А что думаете о кино? Любимые режиссеры?

– Тарковский, безусловно. Феллини, Антониони, Годар...

– О, вы знаете Антониони? – удивляется он. – Редко встретишь молодых людей, которые ценят такое кино.

– Олег, не начинай свои искусствоведческие лекции, – с легким раздражением говорит Анастасия Ивановна. – Девочка просто повторяет общеизвестные имена.

Меня это задевает.

– Простите, – говорю я, – но "Приключение" Антониони изменило мое представление о времени в кино. Способность показать внутреннее состояние героя через ритм, через паузы, через недосказанность... Это же революция в киноязыке.

Олег улыбается:

– Согласен. А что скажете о "Затмении"?

– Там он идет еще дальше. Отчуждение становится не просто темой, а самой структурой фильма. Герои не могут найти друг друга, как планеты в космосе...

– Интересно, – кивает Олег. – Женя, вы нашли единомышленницу.

Женя светится от гордости, но его родители по-прежнему смотрят скептически.

– Теория – это хорошо, – говорит Роман Григорьевич. – А как насчет практики? По вашим сценариям снимали что-нибудь?

– Пока нет, – признаюсь я. – Но у меня есть идеи. И я надеюсь, что Женя...

– Мы планируем работать вместе, – перебивает меня Женя. – Инга будет писать сценарии, я буду снимать.

– Планируете, – повторяет его отец. – Молодо-зелено. В кино нужны не только планы, но и связи, и деньги, и понимание рынка.

– А еще нужен талант, – возражаю я. – И честность. И желание сказать что-то важное.

– Конечно, – соглашается Анастасия Ивановна с плохо скрываемой иронией. – Но сначала нужно выжить в этой индустрии. А для этого нужно понимать, кто есть кто.

Я чувствую, как во мне закипает раздражение. Они говорят о кино как о бизнесе, а для меня это искусство, способ познания мира.

– Простите, – говорю я, стараясь сохранить спокойствие, – но разве не для того мы снимаем фильмы, чтобы что-то сказать людям? Чтобы заставить их думать, чувствовать?

– Наивно, – качает головой Роман Григорьевич. – Зрители хотят развлекаться, а не думать. Кино – это коммерция.

– Не все кино, – настаиваю я. – Есть авторское кино, есть...

– Авторское кино смотрят десять человек, – перебивает он. – Остальные идут на блок-бастеры.

– Тогда почему Тарковского до сих пор изучают? Почему его фильмы переживают время?

– Потому что это классика, – говорит Анастасия Ивановна. – Но Тарковский умер в нищете, помните?

Эти слова как пощечина. Они хотят, чтобы я отказалась от своих идеалов, приняла их прагматичный взгляд на искусство.

– Может быть, – говорю я тихо. – Но он оставил след в истории кино. А многие коммерчески успешные фильмы забываются через год.

– Инга права, – неожиданно поддерживает меня Олег. – Настоящее искусство всегда ценится со временем. Даже если при жизни автора его не понимают.

Я благодарно смотрю на него. Хотя бы один человек в этом доме меня понимает.

– Олег, ты всегда был романтиком, – усмехается Роман Григорьевич. – Но жизнь есть жизнь.

– Жизнь многогранна, – возражает Олег. – И в ней есть место не только для денег.

Разговор становится все более напряженным. Я чувствую, как Женя нервничает, как пытается сгладить ситуацию.

– Может быть, поговорим о чем-то более приятном? – предлагает он.

– Да, – соглашается мать. – Инга, расскажите о себе. Хобби, интересы... Что любите делать в свободное время?

Еще одна попытка найти во мне что-то, что можно осудить.

– Читаю, хожу в театры, по выставкам, – отвечаю я. – Иногда езжу в Петербург к маме.

– А путешествовать любите? – спрашивает Анастасия Ивановна.

- Да, но пока не было возможности, – честно отвечаю я.
- Понятно, – кивает она. – А спорт? Фитнес?
- Нет, не очень. Предпочитаю пешие прогулки.
- Ясно.

По ее тону понятно, что каждый мой ответ только подтверждает ее мнение: девочка не из их круга, не разделяет их интересы, не подходит для их сына.

Обед тянется мучительно долго. Я чувствую себя как подсудимая, которую обвиняют в преступлении, которого не совершала. Мое преступление в том, что я другая. Что я не богата, не связана с их миром, не играю по их правилам.

Наконец, мы заканчиваем есть. Анастасия Ивановна встает:

- Инга, помогите мне убрать посуду.

Это не просьба, а приказ. Я понимаю: она хочет поговорить со мной наедине.

Глава 13

Идем на кухню. Она молча ставит тарелки в посудомоечную машину, а я стою рядом, не зная, что делать.

– Инга, – говорит она наконец, не поворачиваясь ко мне. – Вы кажетесь милой девочкой.

– Спасибо.

– Но я должна быть откровенна с вами. Женя – мой единственный сын. Я хочу для него самого лучшего.

– Это понятно.

– Вы очень разные. Из разных миров. У вас разные цели, разные возможности.

Я молчу, понимая, к чему она ведет.

– Женя увлекающийся человек, – продолжает она. – Он легко влюбляется, особенно в творческих людей. Но увлечение проходит.

– Вы думаете, что для него это просто увлечение?

Она поворачивается ко мне:

– Думаю, что вы оба слишком молоды, чтобы понимать серьезность отношений. У Жени впереди карьера, ему нужна спутница, которая сможет его поддержать в этом мире. Которая поймет, как все устроено.

– А я не пойму?

– Милая, посмотрите правде в глаза. У вас нет связей, нет опыта, нет даже элементарного понимания того, как работает киноиндустрия. Женя может увлечься вашей... искренностью, но рано или поздно ему понадобится партнер по жизни, а не просто муза.

Эти слова бьют точно в цель. Все мои страхи, все сомнения, которые я пыталась заглушить, выходят на поверхность.

– Но разве любовь не важнее всего этого?

Анастасия Ивановна усмехается, но не зло, а скорее снисходительно:

– Любовь, конечно, прекрасна. Но семья строится не только на чувствах. Нужна совместимость интересов, целей, образа жизни. Представьте: Женя получит предложение снимать в Европе, а вы даже загранпаспорта не имеете. Он будет общаться с продюсерами и инвесторами, а вы не поймете, о чем они говорят.

– Но я могу научиться...

– Милая девочка, – голос ее становится почти ласковым, – некоторые вещи нельзя выучить. Их нужно впитать с детства. Умение держаться в обществе, понимание негласных правил, чувство стиля... Извините за прямоту, но сегодня за столом было видно, что вы не в своей тарелке.

Щеки горят от стыда. Она права: я действительно чувствовала себя белой вороной, не знала, как вести себя, что говорить.

– Я не хочу причинить вам боль, – продолжает Анастасия Ивановна. – Просто прошу подумать: а будете ли вы счастливы в мире, который вам чужд? Не лучше ли найти человека из своей среды, с которым у вас больше общего?

Возвращаемся в гостиную, где мужчины обсуждают какой-то проект. Женя сразу видит, что я расстроена, подходит ко мне:

– Все в порядке?

– Да, конечно, – отвечаю я, стараясь улыбнуться.

Олег внимательно смотрит на меня, и кажется, понимает, что произошло.

– Инга, – обращается он ко мне, – а не хотели бы вы показать нам свои стихи? Женя говорил, что вы талантливо пишете.

Я достаю из сумки блокнот. Руки дрожат, после разговора с Анастасией Ивановной мне трудно сосредоточиться.

– Это недавнее, – говорю я, открывая страницу. – Называется "Октябрь в чужом городе".

Читаю тихо, стараясь не смотреть на слушателей:

«Октябрь рассыпал листья, как монеты,

На мостовую чужого мне города.

Я собираю их в карманы света,

Не зная, что с богатством делать.

Здесь все не мое – дома, улицы, лица,

Даже собственное отражение в витринах

Кажется актрисой, играющей роль

Девочки, которая знает, чего хочет.

А я не знаю. Я только ищу

Среди чужих окон – свое,

Среди чужих голосов – понимание,

Среди чужой любви – настоящую».

Молчание. Потом Олег тихо говорит:

– Это прекрасно. Очень честно и глубоко.

– Действительно талантливо, – соглашается Женя, беря меня за руку.

Родители молчат. Анастасия Ивановна смотрит в окно, Роман Григорьевич листает какие-то бумаги.

– Простите, – говорю я, вставая, – мне пора домой. Спасибо за обед.

– Я провожу тебя, – сразу говорит Женя.

– Не надо, я сама доберусь.

– Инга, я провожу тебя, – настаивает он.

Прощаемся с его родителями. Холодные рукопожатия, дежурные фразы о том, что было приятно познакомиться. Только Олег жмет мне руку тепло и говорит:

– Очень надеюсь увидеть вас еще. И продолжайте писать – у вас настоящий дар.

Выходим на улицу. Дождь усилился, и я поднимаю воротник пальто.

– Инга, что случилось? – спрашивает Женя, когда мы идем к метро. – После разговора с мамой ты какая-то странная.

Не знаю, что ответить. Рассказать правду? Но тогда он поссорится с родителями из-за меня. Промолчать? Но от этого легче не станет.

– Женя, – говорю я наконец, – а ты не думаешь, что мы слишком разные?

Он останавливается посреди тротуара:

– О чем ты говоришь?

– Посмотри правде в глаза. Я – дочь бухгалтера из Петербурга, снимаю однокомнатную квартиру, подрабатываю, чтобы сводить концы с концами. А ты – из семьи продюсеров, со связями, с деньгами, с совершенно другими возможностями.

– И что с того?

– А то, что твои родители правы. Я не вписываюсь в ваш мир. Сегодня это было очевидно.

Женя берет меня за плечи:

– Инга, послушай меня внимательно. Мне плевать на их мир, если в нем нет места тебе. Мне плевать на связи и деньги, если из-за них я потеряю самое дорогое.

– Но они твои родители...

– И они поймут. Может быть, не сразу, но поймут. Потому что поймут, что ты делаешь меня лучше. Что с тобой я чувствую себя настоящим.

Мы дошли до метро и остановились у входа. Людской поток обтекает нас, но мы стоим близко друг к другу и говорим о самом важном.

– Знаешь, что я понял сегодня? – продолжает Женя. – Что все эти люди с их правильными манерами и связями скучны до ужаса. Они говорят правильные слова, но не чувствуют ничего. А ты живая. Настоящая. И именно это мне в тебе дорого.

– Но твоя мама сказала, что увлечение пройдет...

– Моя мама не знает, что я чувствую. Инга, посмотри на меня.

Поднимаю глаза. Он смотрит серьезно.

– Это не увлечение. Это как будто я всю жизнь искал тебя, не зная, что именно ищу. А теперь нашел и понимаю: вот она, моя судьба.

– Женя...

– Нет, дай мне сказать. Я не собираюсь тебя терять из-за того, что родители пока не понимают, какое ты сокровище. Они поймут. Обязательно поймут, когда увидят твои работы, когда узнают тебя лучше.

– А если не поймут?

– Тогда это их проблема. Инга, я взрослый человек. Я сам выбираю, с кем мне быть. И я выбираю тебя.

Глава 14

Он целует меня прямо здесь, у входа в метро, и мне наплевать на косые взгляды прохожих. В этом поцелуе вся его уверенность, вся его любовь, и я таю, как октябрьский снег на теплом асфальте.

– Знаешь, что смешно? – говорю я, отстраняясь и глядя на его серьезное лицо. – Твоя мама переживает, что я не впишусь в ваш мир. А я переживаю, что ты слишком хорош для моего.

Женя смеется искренне, с облегчением:

– Вот видишь? Мы оба идиоты. Наверное, поэтому мы и подходим друг другу.

Дождь стучит по козырьку метро, люди торопятся мимо нас, и я вдруг понимаю – это и есть наша жизнь. Не глянцева́я, не идеальная, но настоящая. Мы с Женей как два персонажа из разных фильмов, которые вдруг оказались в одном кадре. И это не ошибка монтажа, это – магия кино.

– Ладно, – говорю я, поправляя промокший под дождем шарф. – Допустим, твои родители когда-нибудь поймут, что я не охотница за богатыми женихами, а просто странная девочка, которая влюбилась в их сына. Но что, если я сама не справлюсь?

– С чем не справишься?

– С твоим миром. С ожиданиями. Женя, я сегодня за ужином чувствовала себя как персонаж Алисы в Стране чудес – все знают правила игры, кроме меня.

Он задумчиво смотрит на меня, потом неожиданно улыбается:

– А знаешь, что мне больше всего в тебе нравится? То, что ты не играешь. Все эти люди с их правилами и манерами, они постоянно играют роли. А ты просто живешь.

– Это звучит красиво, но...

– Никаких "но", – перебивает он, беря меня за руки. – Инга, послушай. Когда ты сегодня говорила об Антониони, когда читала стихи, знаешь, что происходило? Даже мой отец слушал внимательно. Даже мама на секунду забыла про свою маску. А Олег был просто очарован.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.